

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА С К. СИМОНОВЫМ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЛУКОНИНА «ТЫ В ЭТИ ДНИ ЖИЛА ВДАЛИ...»

И. Н. Коржова

Орский колледж искусств

Поступила в редакцию 7 марта 2019 г.

Аннотация: в статье доказывается, что стихотворение М. Луконина «Ты в эти дни жила вдали...» создано как полемический отклик на стихотворение К. Симонова «Когда на выжженном плато...». Установлена ориентация на претекст на уровне рифмовки, композиции, приемов, особенностей грамматики. Спор связан с осмыслением военного опыта и вопроса о необходимости приобщения женщины к этому опыту. В ситуации полемики видится начавшееся расхождение в осмыслении войны поэтов-фронтовиков среднего и младшего поколения.

Ключевые слова: Симонов, Луконин, полемика, любовная лирика, военная поэзия, литературные поколения.

Abstract: the article proves that M. Lukonin's poem "You lived far away these days ..." was created as a polemical response to K. Simonov's poem "When on a scorched plateau ...". The pretext orientation is set at the level of rhyming, composition, imagery, grammar features. The dispute is connected with the comprehension of military experience and the question of the need to involve women in this experience. In a situation of controversy, there is a discrepancy in the understanding of the war of poets of the middle and younger generation.

Keywords: Simonov, Lukonin, controversy, love lyrics, war poetry, literary generation.

К. Симонов и М. Луконин познакомились за несколько лет до войны. Вместе играли в волейбол, вместе выступали на литературных вечерах. И неудивительно, ведь когда Луконин (1918–1976) приехал в Москву в Литинститут, обучение там заканчивал Симонов (1915–1979). Л. Аннинский так описывает знакомство поэтов: «Во дворе “дома Герцена” какие-то парни играют в волейбол. Кричат: “Нужен игрок в команду!” Луконин ставит чемодан, сбрасывает пиджак и становится к сетке. Студента, подающего мяч, он мгновенно узнает по портретам: Константин Симонов» [1, 14]. Но вот на поле литературы они выступали в составе, так сказать, разных команд. На «Вечере трех поколений» Луконин числился в младших, Симонов же, несмотря на небольшую разницу в возрасте, представлял за среднее поколение. М. О. Чудакова точно обозначает состав литературных поколений и вехи, которыми они разделяются. Симонов принадлежит к «новобранцам 1930-х годов». Это поэты 1900–1910 годов рождения. «К одним из них известность пришла уже во второй половине 1920-х (Фадеев, Заболоцкий), но большей частью они приобретали ее в начале — середине 1930-х, как Твардовский, Кедрин. <...> К этим же новобранцам попал и более молодой, но рано и бурно вошедший в печать середины 1930-х годов Симонов. Все они принадлежали к тем, кто в этой новой России жил — уже с малолетства, кто не приходил к признанию основ нового мира, а исходил из него» [2, 384]. Луконин же

принадлежит уже к следующему, «третьему поколению» (1911–1923), к группе «фронтовиков» [там же].

Как же проявились эти меты в реальной судьбе поэтов? Л. Аннинский называет М. Луконина правофланговым молодого поколения. Сумевший обратить на себя внимание стихотворениями о Финской войне, он идет на Великую Отечественную уже не в батальон, в редакцию газеты. Стихи о Финской запомнились и Симонову, неслучайно он дал герою своей пьесы «Парень из нашего города» фамилию молодого поэта. Е. Долматовский вспоминает об этом так:

Афиногенов неожиданно спросил Симонова, какая фамилия ему вообще нравится.

— Ну, скажем, если бы вы были не Симонов, какую бы вы фамилию не возражали носить?

Симонов не задумываясь ответил:

— Луконин!

Михаил Луконин был моложе нас года на три, но принадлежал почему-то к другому поколению. Впрочем, это не мы, а критики так считали. Для нас же он был славным товарищем, близким человеком. Особенно полюбил его Симонов, когда Михаил вернулся с Карельского перешейка, из лыжного батальона, возмужавший, посуровевший, замкнутый» [3, 19–20].

К. Симонов позже скажет, что стихи его и Луконина, уже к 1940 году имевших боевой опыт, сближала «схожесть взгляда на войну». В области же художественной формы Симонов даже испытал влияние младшего товарища. Так, в поэме «Далеко на Востоке» «и прозаизмы ее, и общий ритмический ход были навеяны привезенными с финской войны и написан-

ными после нее стихами Луконина» [4, 187]. Однако позже, по признанию самого Симонова, он обманул веру товарища, вернувшись в ряды «гладкописцев».

Но расстановка сил в глазах литературной и окололитературной среды оставалась все же другой. Еще один молодой фронтовик, С. Наровчатов, вспоминая Симонова, подчеркивает: «Возрастная разница у нас была несущественная, всего четыре года. Но принадлежали мы к разным поэтическим поколениям. <...> Нечего и равнять его известность и значимость с нашей. Все вместе мы бы не смогли его перевесить. Были у него и отличные достижения. Я не говорю о “Жди меня” — вся армия таскала в левых карманах гимнастерок газетные вырезки с этим стихотворением, — такие стихи, как “Убей его”, обладали огромной мобилизующей силой. Пути военной лирики открывала огоньковская книжка “С тобой и без тебя”, там были сильные вещи. <...> Со мной он держал себя примерно так, как молодой Болконский в бытность свою при кутузовском штабе с юными офицерами» [3, 44].

Дистанция с Лукониным была короче. Но литературная ситуация первых военных лет делала затруднительным творческое общение с поэтами-новобранцами. У Симонова выходят не только отдельные газетные публикации, но и книги стихов, молодому же поколению права голоса долго не было предоставлено. Именно Симонов пытался исправить ситуацию, выступив со статьей «Поговорим об отсутствующих». Но даже личное знакомство с молодыми поэтами не давало ему возможности оперативно получать их новые стихи. Так, в начале 1944 года он пишет Луконину: «Очень прошу, пришли мне последнее, что написал. Может быть, я с циклом пойду куда-нибудь в журнал и напечатаем. Во всяком случае, это будет не вредно. И потом просто хочется знать, что ты пишешь» [5, 488].

До Луконина же, очевидно, стихотворения Симонова доходили. Мы можем утверждать, что знакомство с циклом «С тобой и без тебя» состоялось у Луконина довольно быстро. Состоялось и вызвало отклик. Прежде всего, стоит упомянуть, что топос женской спасительной любви, мастерски извлеченный Симоновым из толщи народного сознания в «Жди меня», был подхвачен и Лукониным. В стихотворении «Получил письмо я...» (1942) герой повторяет обнадеживающую мысль: «Так поверила в мою звезду, / знает — жив, мне жить необходимо, / значит — мины мимо, пули — мимо» [6, 67].

Но наиболее тесное приближение к симоновскому творчеству, подтверждаемое обилием аллюзий и общностью приемов, мы обнаруживаем в стихотворении Луконина «Ты в эти дни жила вдали...» (1943). Оно стало полемическим выпадом против стихотворения Симонова «Когда на выжженном плато...» (1942), опубликованном (под заглавием «Любовь») в 1942 году трижды: 19 ноября в «Комсомольской правде», в 11-

12 номере журнала «Новый мир» и в книге «Стихотворения. 1936–1942». Думается, полемика Луконина была заострена не против личности товарища или его художественной манеры. Но Симонов затронул одну из принципиальных луконинских тем, а возможно — не просто затронул, но способствовал ее оформлению в поэтическом диалоге. Это тема необратимых трансформаций, которые происходят с душой человека на войне.

Луконин последовательно ориентируется на формальные особенности стихотворения Симонова. Полного воспроизведения размера не происходит: Симонов обращается к четырехстопному ямбу, Луконин чередует четырех- и трехстопный. Согласно исследованию В. А. Мукасей, «классический стих в творчестве Луконина уступает место неклассическому и составляет 42,0% произведений» [7, 28]. Поэтому выбор разностопного ямба можно объяснить стремлением приблизиться к объекту полемики. Сходство текстов усиливается благодаря использованию сплошных мужских клаузул обоими поэтами. Также узнаваемая симоновская манера воссоздается Лукониным за счет обращения к анафоре — фигуре, чуждой стихам самого Луконина той поры. Эти особенности с безусловной точностью указывают на объект спора.

Симонов поднимает тему единства духовного опыта сражающегося мужчины и оставшейся в тылу женщины, размышляет о возможностях сохранения внутренней связи между ними. Его стихотворение, как всегда, при умелом нагнетании эмоциональности остается композиционно четко выстроенным. Оно состоит из четырех строф. В первой утверждается благо непричастности женщины к ужасам войны: «Я думал: слава богу, что / Ты так далеко от меня» [8, 192]. Следующие, напротив, развивают мысль о необходимости для женщины разделить опыт мужчины, хотя бы в форме незримого, духовного присутствия рядом. Логику внутреннего спора подчеркивает союз «но», начинающий вторую строфу. Однако эта мысль, поданная как антитеза привычным рассуждениям, сама строится на столкновении противоположных позиций. Вторая строфа утверждает желания героя: «И я хочу, чтоб каждый день, / Чтоб каждый час и каждый бой / За мной ходила ты, как тень» [8, 192]. Лирический герой стремится к полному тождеству с героиней, что находит выражение в конструкциях с настойчивым параллелизмом: «Чтоб слеpla ты, когда я слеп, / Чтоб мерзла ты, когда я мерз, / Чтоб страхом был твоим — мой страх, / Чтоб гневом был твоим — мой гнев» [8, 192]. Заметим, Симонов перечисляет сначала физические тяжелые испытания, а затем и предельные, негативные эмоции, и все это он готов взвалить на хрупкие плечи возлюбленной. Парадокс только усиливается закланательным напором синтаксических конструкций. Третья строфа вводит еще один, внутренний,

спор и указывает на причину такого желания: герой моделирует возможный диалог с друзьями, которые заявляют свои права на сердце товарища, апеллируя к сроднившим их тяготам войны: «Чтоб не сказали мне друзья, / Все разделявшие в судьбе: / — Она вдали, а рядом — я, / Что эта женщина тебе?» [8, 192]. Четвертая строфа — ответ героя, утверждающий включенность женщины в военный опыт: она, невидимая, всегда присутствовала рядом с любимым: спасла и выходила его, разделяла испытания и дружеские посиделки. Таким образом, идея утверждается в двойном споре: с собственным изначальным мнением и со взглядом товарищей.

Стихотворение Луконина внутренне менее полемично, однако хоть и в ослабленном виде повторяет симоновскую логику «тезис» — «антитезис». Произведение состоит из трех частей, не поддержанных строфическим делением: в нем два четверостишья и большой фрагмент в 44 строки. Первая часть (полтора катрена) — некая констатация разделенности войной с упоминанием тягот разлуки: «Легко ль тебе одной!» [6, 74]. Вторая начинается наречием «теперь» и этим устанавливает новую точку отсчета, точку переосмысления разлуки. Звучит то же благословение разлуке, что у Симонова, но у Луконина оно перенесено в основную, неоспариваемую часть: «Теперь я рад, что жили мы / в разлуке эти дни. / Теперь хочу тебя просить...» [6, 74]. Характерно, что глагол «хочу» вводит основную часть и у Симонова.

Вторая часть, как и в тексте-первоисточнике, представляет оппозицию двух восприятий, здесь это светлый, не замутненный войной женский взгляд и мужской, сужающий мир до состояния вечной вражды. Отметим и общность грамматических конструкций: анафору союзы «чтоб». «Чтоб я поднялся в полный рост, / узнав из милых слов, / что нету пулеметных гнезд, — есть гнезда воробьев» [6, 75]. Система противопоставлений (только не двух точек зрения, а объективного изображения двух миров — фронта и тыла) была представлена и у Симонова, но в первой, перечеркнутой дальнейшими рассуждениями части: «Что вместо камня — там вода, / А вместо грома — кленов тень» [8, 192]. Луконин словно переставляет части стихотворения Симонова места, меняя и их пропорции.

Последняя часть «Ты в эти дни жила вдали...» — вывод, начинающийся с союза «ведь» и отмеченный новой анафорой «хвалю»: «Хвалю прощание свое, / что мы разделены, / Что мы не вместе, не вдвоем / в разлуке для войны» [6, 75]. Женщина выступает как носитель более правильного мировосприятия, она помогает осознать, что «жизнь сложнее» и «к празднику хранит любовь» [6, 75]. Таким образом, мысль Симонова о необходимости для женщин духовно пережить тяжелый военный опыт ради сохранения былого единства с любимыми оспаривается Лукониным, утверждающим, что

именно в непричастности к ужасам войны и состоит женская миссия.

Но было бы упрощением провести границу только по этому критерию, при сравнении текстов обнаруживаются и другие различия в картине мира поэтов. Прежде всего, в стихотворении Симонова выстроена сложная система противопоставлений, и более важна скорее вторая, а не первая оппозиция, из-за чего произведение Луконина в некотором смысле бьет мимо цели. Соперничают отнюдь не женщина и война, а женщина и фронтовые друзья, «все разделявшие в судьбе», а они носители не горя и беды, о которых хочет забыть герой Луконина, но тех ценностей, которые обретались за войну. Показательно использование числительных в финалах обоих текстов: «Она — ты не видал ее / Сидела третьей за столом» [8, 193] (Симонов) — «Того, что видел я один, / нам хватит на двоих» [6, 75] (Луконин). Очевидно, что противопоставление друзей и женщины разрешается не однозначным выбором, а соединением. Мышление Симонова диалектичнее и в плане признания неизбежной изменчивости, и в плане разрешения конфликта.

Более сложной является организация времени в стихотворении Симонова. У Луконина прошедшее время второй части моделирует потенциальное будущее, иногда и прямо уступая место соответствующим формам глагола:

Шалун уронит барабан,
гроза пройдет в окне,
метель пройдет по дворам —
я вспомню
о войне.
А ты догадку утаи,
так всё сумей понять,
чтоб я
взглянул
в глаза твои
и мог любить опять [6, 75].

У Симонова в одной условной конструкции словно бы находится другая. Он тоже пересказывает будущий воображаемый разговор с друзьями. Тогда он обратится к прошлому, которое, однако, еще не стало явью сейчас: «Чтоб я друзьям ответить мог: / — Да, ты не видел, как она / Лежала, съезжившись в комок...» [8, 192]. Обращаясь к термину исторической грамматики (исключительно в метафорическом ключе), можно говорить, что поэт конструирует некое преждебудущее («аналитическая форма, служащая для обозначения такого будущего действия, которое относится ко времени ранее другого будущего действия» [9, 337]). Да и появляется оно в придаточной части, имеющей сослагательный оттенок. В этой шаткой сфере желаемого преждебудущего и происходит единение героини с возлюбленным, ее приобщение к его военному опыту. Но оно осуществится, только если возлюбленная захочет разделить с героем тяготы войны.

Стихотворение Луконина прямо обращено к героине и включает форму повелительного наклонения: «Будь той же самой ты», «А ты догадку утай» [6, 75]. У Симонова такого прямого обращения нет, его герой как бы невольно представляет героине альтернативу: ведь если она не будет рядом, герой не сможет возразить на упреки друзей. «Когда на выжженном плато...» Симонова, хотя было взято Лукониным как реплика в споре, звучит вовсе не утвердительно. Это действительно позиция, но она представлена скорее как желание, мечта, неосуществленный идеал, который герой только искушает героиню. Все описанное взято в двойные скобки условных конструкций. У Луконина же произведение заканчивается прямой декларативностью в настоящем времени («хваляю...») и уверенным обращением ко времени будущему. Психологическая сложность любовных отношений, спрятанные за утвердительными интонациями сомнения и неверие нивелируются в стихотворении Луконина, которое в гораздо меньшей степени может быть отнесено к любовной лирике, ведь женщина в нем не столько субъект, сколько безличная мера «цельного и правильного».

Стихотворение «Ты в эти дни жила вдали...» имеет силу не случайного выпада, да и направлено на текст вовсе не проходной у Симонова. В принципиальности полемики убеждает учет всего контекста военного творчества поэтов. Проанализированное стихотворение Луконина создано во время боев под Прохоровкой одновременно с другим, более известным — «Приду к тебе». Напомним его знаменитую афористичную концовку: «Но лучше прийти с пустым рукавом, / чем с пустой душой» [6, 73]. Оба стихотворения были рождены, по воспоминаниям поэта, одно за другим. Л. Аннинский тонко отмечает: «“Приду к тебе” — классика: жадность к жизни, к труду, к любимой. Это зримый уровень. Есть еще незримая драма в этом стихотворении, что-то остро беспокоящее» [1, 21]. Оптимистичное решение темы еще не убеждает в легком решении ситуации, уже то, что тема поднята, говорит о страхах поэта, которые он хочет заговорить.

В лирике Симонова человек никогда не поставлен войной на грань саморазрушения. В стихотворении «Словно смотришь в бинокль перевернутый...» внутренняя ревизия, вызванная опытом войны, обещает более полное и ясное видение жизни: «Мы, пройдя

через кровь и страдания, / Снова к прошлому взглядом приблизимся. / Но на этом далеком свидании / До былой слепоты не унизимся» [8, 123].

Вместе с тем и Луконин вовсе не нивелирует военный опыт: возвращение к себе довоенному невозможно, о чем четко сказано в стихотворении «9 мая. Берлин» («Вот что случилось — // мужчинами стали мальчишки!» [6, 81]). Но женщине, очевидно, все же уготована своя миссия, ведь и «Приду к тебе» вменяет ей сохранять чистоту довоенного видения («Будь той же самой ты»), чтобы мужчина вспомнил его и совместил свой новый опыт с неизменными ценностями.

Симонов всегда сохранял рационалистическую веру в крепость человеческого сознания, и необратимые изменения у него — это всегда важный опыт. У Луконина, тоже неизменно демонстрирующего силу духа, твердый взгляд, все же есть переживания, от которых следует отрешиться, которые иррационально разъедают жизнь. И в этом различие не только личностное, но и поколенческое. Думается, полемика с Симоновым стала пробой голоса молодых поэтов-фронтовиков, попыткой оформить то видение войны, которое и станет интегрирующей чертой этого поколения в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Михаил Луконин // Луконин М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1985. С. 5–46.
2. Чудакова М. О. Заметки о поколениях // Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 377–392.
3. Константин Симонов в воспоминаниях современников / К. Симонов. — М.: Советский писатель, 1984. — 606 с.
4. Симонов К. Из воспоминаний / К. Симонов // Дружба народов. — 1979. № 1. — С. 151–191.
5. Симонов К. М. Сегодня и давно / К. М. Симонов. — М.: Советский писатель, 1976. — 622 с.
6. Луконин М. Стихотворения и поэмы / М. Луконин. — Л.: Советский писатель, 1985. — 544 с.
7. Мукасева В. А. Метрика М. К. Луконина в контексте поэзии военных лет и традиций В. В. Маяковского / В. А. Мукасева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 11. — С. 27–31.
8. Симонов К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Симонов. — Л.: Советский писатель, 1982. — 623 с.
9. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. — М.: Просвещение, 1990. — 400 с.

Орский колледж искусств

Коржова И. Н., заведующая отделом общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат филологических наук

E-mail: clean24@yandex.ru

Orsk College of arts

Korzhova I. N. PhD, Head of Department of General education, humanitarian and socio-economic disciplines, Candidate of Philology

E-mail: clean24@yandex.ru